

Юрий Ольшевский

Экономика как источник дукки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Ольшевский

Экономика как источник дукки

<https://litres.ru/73999876>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экономика — это машина по производству страха. Она создаёт искусственные потребности, привязывает к вещам и заставляет бояться потери. Дукка (страдание) рождается из этой привязанности. Освобождение не в отказе от благ, а в умении наблюдать страх как снегопад — не отождествляя себя с декорациями. Коан о пустоте, где уже всё хорошо.

Юрий Ольшевский

Экономика как источник дукки

Безымянный ковырялся с мопедом у подъезда своей хрущёвки. Honda Gyro стояла на подножке, карбюратор был разобран, детали разложены на куске ветоши прямо на асфальте. Рядом валялась пачка «Беломора» и зажигалка. Мартовское солнце пыталось греть, но получалось так себе.

Телефон зазвонил. Коротко, деловито, без истерики — так звонят только настоящие рабочие инструменты, знающие своё место в иерархии бытия. Безымянный посмотрел на экран: высветился номер, сохранённый как «Артемий Артемич элит». Он вздохнул. Не потому, что не хотел работать, а потому, что знал: этот номер никогда не звонит просто так. У каждого клиента есть своя карма, и карма Артемия Артемьевича была особенно тяжёлой — она пахла дорогим парфюмом, итальянским мрамором и паникой перед лицом вечности.

— Ом Мани Падме Хуй, — пробормотал Безымянный, нажимая зелёную трубку.

— Мастер! — голос в динамике был таким же, как в прошлый раз: взволнованным, с нотками удушья от собственного благополучия. — Мастер, это Артемий Артемьевич! У

меня новый холодильник! «General Electric», чёрный матовый, последняя модель! Он... он странно себя ведёт!

— Что именно? — голос Безымянного был ровным, как столешница, на которой тридцать лет резали хлеб.

— Он... работает! — выпалил Артемий Артемьевич. — В том смысле, что он работает идеально! Но мне кажется, что он работает не так, как должен! Понимаете, у него есть функция «Fresh Zone» с отдельным контуром охлаждения, и мне кажется, что температура там плавает! На полградуса! Я мерил лазерным термометром!

— Лазерным, — повторил Безымянный без интонации.

— Да! И ещё: вчера ночью я слышал, как он щёлкнул. Один раз. Громко. И всё. Больше никаких звуков. Но он же не должен щёлкать! Он же инверторный!

На том конце провода повисла пауза, заполненная дыханием человека, который привык контролировать всё, включая температуру в собственном холодильнике с точностью до десятой доли градуса.

— Я приеду, — сказал Безымянный и нажал отбой.

Он надел свою застиранную куртку, которая помнила ещё те времена, когда СССР был молодой страной, полной иллюзий. Быстро собрал и установил карбюратор, накинул пластиковый корпус на мотор Honda Gyro Сапору, провёл рукой по сиденью, смахивая снег, и дёрнул кикстартер. Мотор кашлянул, выплюнул облако сизого дыма и затарахтел с той особенной интонацией, с какой тарыхтят только двухтактные

двигатели, осознавшие тщетность бытия.

Дорога до элитного посёлка заняла час. Безымянный не спешил. Он вообще никогда никуда не спешил, потому что спешка — это форма отрицания смерти, а смерть, как известно, отрицанию не поддаётся. Он ехал мимо серых многоэтажек, мимо пустырей, где ветер гонял целлофановые пакеты — современные молитвенные флаги, — мимо рекламных щитов, обещающих счастье за 299 рублей в месяц. Где-то на въезде в посёлок его остановил охранник в форме, которая стоила дороже, чем весь гардероб Безымянного вместе с мопедом.

— Вы к кому? — спросил охранник, подозрительно глядя на транспортное средство, которое явно не вписывалось в концепцию «премиум-сегмент».

— К Артемию Артемьевичу, — ответил Безымянный. — Холодильник чинить.

Охранник заглянул в планшет, сверился с базой данных и, видимо, найдя фамилию клиента в списке, нехотя кивнул. Шлагбаум поднялся с таким звуком, будто открывались врата в иное измерение. Что, в общем-то, соответствовало действительности.

Дом Артемия Артемьевича Безымянный узнал сразу. Не по табличке, а по ауре. Это была постройка из серого камня и стекла, с колоннами, которые не несли никакой нагрузки, кроме эстетической, и с газоном, стриженным так, будто его брили перед операцией. Парадная дверь открылась ещё

до того, как Безымянный заглушил мотор.

— Мастер! — Артемий Артемьевич выбежал на крыльцо. На нём был халат из махровой ткани, которая стоила, наверное, как полёт в эконом-классе до Стамбула. — Проходите, проходите! Я уже заждался! Холодильник молчит, но это молчание такое... зловещее!

Безымянный слез с мопеда, взял свой потрёпанный рюкзак с инструментами и направился к дому.

Внутри было стерильно. Воздух пах ничем, но ничем очень дорогим — такие запахи синтезируют в лабораториях Швейцарии специально для людей, у которых аллергия на реальность. Полы из полированного мрамора отражали свет так, что казалось, будто идёшь по поверхности озера в безветренный день. Стены были увешаны картинами — абстракциями, которые, вероятно, стоили как вся хрущёвка Безымянного вместе с земельным участком и перспективой сноса.

Холодильник стоял в кухне-гостиной, которая была размером с хороший спортзал. Чёрный матовый монолит, почти два метра высотой, с сенсорной панелью, которая сейчас светилась приветственным экраном. Рядом с холодильником на столешнице из искусственного кварца лежал лазерный термометр, блокнот с записями и, почему-то, стетоскоп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.